Землячка, Р. С. Как мы организовали политотдел 8-й армии: 2 Котлас. Сентябрь 1918 / Р. С. Землячка // Москвичи на фронтах гражданской войны. - Москва, 1960. - С. 154-160.

Р. С. ЗЕМЛЯЧКА

КАК МЫ ОРГАНИЗОВАЛИ ПОЛИТОТДЕЛ 8-й АРМИИ *

1. ОРША. АВГУСТ 1918 г.

Вторая Московская мобилизация. ЦК послал нас в Оршу для продвижения[1] частей на чехословацкий фронт (это было вскоре после заключения Брестского мира).

Четыре полка, находившихся под влиянием левых эсеров, стремились перейти демаркационную линию, что угрожало нам большими осложнениями со стороны Германии. Маленькая Оршанская организация, состоящая сплошь из молодежи, очень преданной, но очень неопытной, встретила нас с энтузиазмом. Начались собрания, конференции местных организаций, митинги и собрания в полках.

Мы приехали через несколько дней после левоэсеровского восстания. Были жертвы с нашей стороны. Организация, беспомощная, маленькая, выдержала все эти бои в течение нескольких дней и в решительный момент получила помощь от присланного сильного, сплоченного, с прекрасным в боевом и политическом отношении красноармейским и командным составом Железного кавалерийского полка. С ним я встретилась позже на Южном фронте при защите Луганска и в другие тяжелые моменты, когда он, уже вконец истрепанный, но такой же преданный, являл чудеса храбрости.

Несколько слов об этой поистине героической части. Она была именно железной. Ею двигала не удаль бесшабашная,

* Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, фонд 90, дело 66, опись 1, листы 1—40. Рукописный подлинник. Публикуется впервые.

[1] Так в тексте.

а была твердая воля, диктуемая сознательностью массы, с громадным процентом коммунистов. Железная дисциплина — железная выдержка. Одно появление этого полка обратило в бегство жалкие банды левых эсеров. Но главная его работа была не в этом. Предстояли большие осложнения в связи с настроением находившегося в Орше гарнизона и особенно частей, охранявших границу. Эсеры обратили главное свое внимание именно на эти части. И авантюра могла вспыхнуть ежедневно.

Наша работа шла по двум направлениям. С одной стороны, укрепление организации, причем предусмотрительно не была забыта и подготовка к переходу в подполье; с другой стороны, работа в частях. Помню, особенно долго пришлось возиться со Стайковским полком. Безуспешны были предварительные митинги и собрания в этом полку. Мы получили донесение о том, что его потихоньку передвигают ближе к границе, чтобы перевести за демаркационную линию...

После короткого совещания мы решили вызвать командира полка, жалкого труса, называвшего себя эсером, действовавшего под влиянием очень сильных личностей в его полку и крупных кулаков близлежащих деревень. Командующий фронтом объявил ему ультиматум: или полк будет передвинут в 24 часа в Оршу, или артиллерийским огнем он будет стерт с лица земли.

Срок был назначен на завтра на 12 часов дня. Он уехал, жалкий, растерянный.

Прошло назначенное время, но полк не явился. И когда командующий пришел ко мне с сообщением о том, что он решил выполнить ультиматум, я стала просить его дать мне возможность сделать последнюю попытку убедить. Мысль о жертвах без этой попытки казалась мне чудовищной. Да и не верилось, что нельзя убедить массы. Я знала, что разговоры с одиночками, убежденными или ослепленными, ни к чему не приводят, но я считала необходимым разъяснить массе, чем бы это ни кончилось. И после долгих увещеваний я убедила, наконец, командование и нашу партийную организацию разрешить мне поехать к ним туда одной, безоружной, с одним шофером — безоружным тоже. Было условлено, что если поздно вечером меня не будет, один эскадрон Железного полка будет двинут, чтобы выручить меня.

Первое, с чем я столкнулась,— это с правильно организованными сторожевыми постами, выставленными на пози-

циях лицом к Орше, с пулеметами и пр., что обнаруживало сразу, кто был для них главный враг.

Меня встретили сурово. Повсюду нахмуренные лица; заявили, что один батальон уже перешел через демаркационную линию. Нехотя сообщили, как проехать в штаб полка. Выяснилось, что вместо продвижения к Орше полк передвинулся за ночь на 30 километров дальше от Орши.

Наконец, я попала в штаб полка. Командира не было. Он был за 8 километров в деревне. Во дворе толпилось несколько красноармейцев. За командиром отказались послать. Отвечали неохотно. Неожиданное мое появление поставило втупик. Не знали, как поступить со мною. Ждали чьих-то распоряжений, а пока шептались, повторяя, по-видимому, мое имя. Ненависть была в каждом движении.

Но совершенно пустяковая история помогла мне существенно. Минут через 20 после моего приезда во двор въехал сын бывшей помещицы, в усадьбе которой находился штаб, бывший офицер. После нескольких слов я убедилась, что он убежденнейший монархист и совершенно не считает нужным стесняться в такой обстановке открывать мне это. Я поняла, насколько выгодно мое положение, и вступила с ним в спор. Собралось человек 20 красноармейцев. Все напряженно слушали наш спор. И сразу я почувствовала, насколько я им ближе, несмотря на все предубеждение, которое им внушили, по сравнению с этим помещичьим сынком, когда он от Николая Романова перешел на текущие события. Я наблюдала лица красноармейцев — из враждебных, нахмуренных они стали насмешливыми, и уже часто с лаской и одобрением они стали обращаться ко мне.

В это время к нам подошел один из ротных командиров, как потом оказалось, главный инструктор всей контрреволюции, сын крупнейшего кулака Оршанского уезда. Кем-то он был предупрежден о моем приезде и явился, по-видимому, расправиться со мною. Первые реплики, которые он подал в нашем споре, были чрезвычайно уверенные, наглые, но постепенно он почувствовал атмосферу не в пользу его и барского сынка, и весь как-то сжался, стал чрезвычайно вежливым в отношении меня. Я почувствовала в нем сразу главного и сильного врага и обрушилась на него, оставив растерянного офицерика в покое.

Красноармейцы все теснее группировались вокруг меня, как бы стремясь меня защитить и радуясь в то же время очевидной моей победе. Спор наш продолжался около часу,

и не успела я закончить, как один из кавалеристов уже бросился к лошади, бросив мне на ходу: «Ждите, товарищ, я за командиром», и поскакал.

За несколько минут до этого я заметила, как несколько человек отошли в сторону и потихоньку о чем-то совещались — и я знала уже, что совещание это в мою пользу, а не против меня.

Командир явился весь дрожащий, жалкий и стал говорить что-то жалкое, по-видимому, он был предупрежден обо всем. Я потребовала немедленно собрать полк. Он отказался, мотивируя дальностью расстояния, протяженностью сторожевых постов, занятостью красноармейцев в карауле и пр. Я настаивала, чувствуя, что он говорит неправду. Куда-то исчезавший на время «инструктор» явился в это время и заявил, что, по его мнению, устроить митинг можно, что он уже подготовил и пр. Я почувствовала, что либо мне готовили западню, либо заранее там подготовили массу, что уверены в моем провале. На лице его была очень уверенная улыбка, и снова он приобрел свой нахальный вид. Но командир полка был очень растерян. Он, по-видимому, боялся и меня и этого «инструктора» и не верил больше в успех затеянного.

Мы двинулись в деревню. И я видела победоносный вид моего врага. Но его уверенность была построена на песке. Посреди улицы стояло человек около 300 красноармейцев вперемежку с крестьянами, и впереди их, у богатой избы, стояли два кулака с вилами в руках. До того характерны были эти две фигуры, до того все это носило театральный характер, что мне стало очень смешно. А к тому же и отлегло сразу при виде красноармейцев, хотя и нахмуренных, хотя и ненавидящих, но в массе родных и никогда для меня не страшных.

Я знала, на чью сторону они встанут, когда заговорят обе стороны.

Я стала говорить, мне очень мешали вначале два красовавшихся с вилами кулака. Но постепенно под влиянием сердитых окриков сначала одиночек красноармейцев, а потом и всей массы они вынуждены были замолчать, и после почти часовой речи мне устроена была буквально овация. Столько ласки, столько родного отношения я мало потом встречала; по-видимому, их готовили проделать со мною скверные вещи — избить, взять заложницей, и это-то особенно заставило внимательно ко мне отнестись. Мне пытался возразить все

тот же «инструктор», но ему не дали говорить и гурьбой (дисциплины там не было никакой) вместе с трясущимся от страха командиром проводили меня до штаба и обещали на завтра явиться в Оршу.

Обещание свое они выполнили и в полном порядке, с музыкой и в отличном настроении явились в Оршу. Через две недели полк был отправлен на чехословацкий фронт. По дороге, как мне передавали потом, «инструктор» был убит пулей в затылок. Так расправилась сама масса с предателем...

2. КОТЛАС. СЕНТЯБРЬ 1918 г.

Исполнив свою задачу на Оршанском фронте, я вернулась в распоряжение ЦК, который направил меня через несколько дней в самое тогда опасное и тяжелое место — на Северный фронт, на котласское направление. Котлас был накануне падения, и угроза была Перьми, Вятке.

Нас выехало 24 агитатора, большинство — петроградские и московские рабочие, молодежь, рвущаяся на тяжелую и опасную работу. Позже, во время деникинского наступления, я выезжала тоже из Москвы с партией петроградских и московских рабочих. Они тоже рвались на работу. Но у них были совсем иные мотивы и иные побуждения. Там был порыв, энтузиазм, предстояла борьба с неизвестным, но сильным врагом; здесь рассудительное, вполне сознательное и уверенное отношение: противник уже был знаком, силами померялись и силу свою успели сознать.

Еще в вагоне, по выезде из Москвы, мы организовались и познакомились друг с другом, избрали бюро, наметили план работы, не зная при этом ни края, в который нас бросили, ни организации, ни сил противника, ни наших сил. Но рвения было много, знали, что дело трудное, опасное а главное — публика подобралась какая-то особенно свежая, славная.

Наше незнание, куда нас двинули, разрешилось курьезом с первых же шагов по приезде в Котлас. Приехали мы утром. Обычная для Котласа погода — ливень и грязь непролазная. Мы везли вагон с литературой. С вокзала, не зная о том, что штаб района в Котласе, я стала звонить в исполком военному комиссару, чтобы прислали перевозочные средства для нас и литературы, думая, что Котлас большой город, как полагается быть городу, имеющему такое важное стратегическое

значение. Мне сказали: «Хорошо» — и положили трубку. Не успела я отойти от телефона, как предо мною появился красноармеец.

— Вы товарищ Самойлова?

— Я.

— Так, сказано, чтобы проводить вас в исполком.

Я изумилась. Спрашиваю: на чем приехал, как так быстро очутился? Оказалось, что весь Котлас состоит из нескольких домов и деревушки, к нему прилегающей.

Узнали про штаб, помещавшийся на пароходе,— отправились туда. Нашли политотдел — в самом зачаточном состоянии: два сотрудника. Часть делопроизводства под столом. Работа не начиналась еще в 2 часа дня. Заведующий — вялый, не понявший задач политотдела. Ни в частях, ни среди населения никакой работы. Формальная отписка. Интересны были телеграммы из мест, уже охваченных восстанием: «Доношу, что все спокойно», а назавтра — вопль о помощи. На первом же совещании, которое мы устроили в тот же день, выяснилось, что связи с местами нет, коммунистов в части допускают неохотно и вызванный мною на совещание командующий районом[1] Геккер, коммунист с 1917 г., с которым позднее мы очень подружились и о ком стоит поговорить особо как об одной из ярких фигур, встретившихся мне на фронте, очень сухо поговорил с нами, дав понять, что в части он нас не пустит, так как доверия лично к нам, как агитаторам, и к политической организации, к сожалению, у него не было.

И организация была действительно такова, что трудно было ей довериться нашим спецам, выше всего ставившим дисциплину. Особенно сурово отнесся Геккер ко мне, как к женщине. Выяснилось, что первая партия, пришедшая до нас, плохо организованная, без плана и понимания задач, действительно не внушила к себе уважения.

Через два дня работа у нас закипела — мы разделились по группам. Собрав сведения, правда, часто сбивчивые, о частях и состоянии волостей и уездов, мы направились каждый на свою работу.

С группой товарищей я двинулась к позициям, несмотря на вопли заведующего политотделом. Но командующий встал на мою сторону. (Мы успели с ним познакомиться.) Попали мы в самый момент отчаянного отступления нашего так про-

[1] Так в тексте.

славившегося позже со стороны бегства с позиций Вологодского полка. Помню, какое тяжелое впечатление произвели на меня эти массы в беспамятстве бегущих людей, с оружием, измученных, голодных, ибо они 24 часа не получали даже хлеба. По колена в грязи, под проливным дождем, растерянные, никем не удерживаемые, они метались по берегу, напуганные артиллерийским огнем, которым противник бил и с берега и с реки. Страшная жалость бросила меня к этим людям, хотелось успокоить их, убедить, пойти с ними. Но меня удержали окриком — митинговать здесь не полагается.

Опять на мою сторону встал Геккер, и мне разрешено было поговорить с ними, выяснить нужды, успокоить. Контраст между чистеньким пароходом, на котором мы приехали, и этой удручающей обстановкой берега, по колена в грязи, среди оборванных, полураздетых, голодных и обезумевших от страха людей, был слишком велик. Ненависть к нам, приехавшим к ним извне и сейчас приказывавшим им, была сильна. Товарищи мои уже рассыпались среди них и вели с ними беседу.

Постепенно под влиянием наших слов они стали двигаться к позициям. Этот случай сразу дал направление нашей работе в частях. Стало ясно, что политическая работа в частях должна проводиться не эпизодично, случайными выступлениями, а постоянным присутствием среди красноармейцев, внимательным отношением к их нуждам. С ними нужно быть как во время отдыха, так и на передовых линиях. И для нас было ясно, что самым важным для укрепления боеспособности частей было не красивые фразы говорить, а заботиться о правильном снабжении.

Но важнее работы в частях была работа в прифронтовой полосе, среди населения. Можно со всей уверенностью сказать, что мы победили на Северном фронте не силой наших штыков — их было слишком мало и слишком некрепки еще были руки, их державшие,— мы победили той сознательностью, которую создали в темной, до нас не знавшей никакой политической работы массе, громадным подъемом, который гнал в панике регулярные войска передовых стран Европы и Америки. Чумазый, раздетый и разутый мужик Севера прогнал вооруженных всем, вплоть до самых тонких продуктов культуры, англичан, французов, шотландцев и пр.

Для меня работа на Северном фронте является самой радостной, неизгладимой страницей в моей жизни. Нетронутая

почва оказалась такой благодарной... Молодежь училась, старики показывали собственной работой организационные методы, и молодежь претворяла их с силой и энтузиазмом. После, на других фронтах, было много разумной работы, было много преданности и понимания, но никогда больше я не наблюдала такого подъема.

Начало планомерной нашей работы среди населения было положено организованным нами Коммунистическим съездом Северо-Двинской губернии.

Надо было видеть, с каким радостным и благоговейным чувством съезжались делегаты на этот съезд, первый в их жизни. Как дети, радовались эти свежие, нетронутые и изголодавшиеся по живому слову, по систематической мысли люди, что и они приобщены, наконец, к общей жизни. Великий Устюг, красивый, весь в зелени город, с громадным количеством церквей, тихий, не знавший до сих пор никаких волнений, но и никаких высоких мыслей и творчества, весь преобразился. Не помню точного количества делегатов, но их было много. И все это наполнило тихие улицы какими-то странными, неслыханными здесь речами. Новые слова, новые мысли. Особенно интересны были зыряне. Они остро реагировали на всю обстановку и содержание съезда. Но тихи, робки были их речи. Внутренней громадной энергией дышали их лица. Но, как дети, они тихо радовались перед тем откровением, который представлял для них съезд. Помню, один Устьсысольский уезд выделил вместо полагавшихся шести делегатов 48 — так реагировала маленькая, неоформленная [действовавшая] только по инстинкту зырянская ячейка далекого, темного Севера. И как велики были результаты этого съезда именно для них, для зырян далекого Севера!

Шесть дней продолжался съезд, и шесть дней непрерывно работала мысль делегатов. Помню большое здание епархиального училища на окраине города, с тихими классами, старыми служащими. Казенщина, тишина, чистота. И в этом здании поместили делегатов, в большом скучном зале. Сколько горячих бесед, не споров, потому что все понималось с намека, воспринималось со всей свежестью и энергией людей, давно уже проводивших практически в жизнь идею коммуны...

Съезд прошел с величайшим подъемом. Чувствовалось, что все, что унесли делегаты с этого съезда, они перенесут непосредственно на работу, претворят немедленно в жизнь.

И дальнейшее показало, насколько правильно было наше мнение об этом съезде и его делегатах...

Со съезда я уезжала с делегатами далеких уездов. В общей большой каюте парохода мы продолжали нашу работу. Намечали план работы по отдельным уездам, организацию отрядов, тактику в отношении противника и ненадежных волостей. Наметили ряд уездных конференций, отдельных поездок на места. Больше всего просили меня приехать к ним делегаты Яренского уезда, этого старого места ссылки политических. Коммунистическая организация и в городе и по волостям, как выяснилось, работала нелегально.

Ячейка наша, работавшая нелегально в Яренске, состояла из нескольких (если не ошибаюсь, из восьми) молодых интеллигентов, очень преданных, но неопытных, совершенно не знавших работы с массами. По волостям были ячейки сильные, хорошо организованные, прятавшие оружие, но не решавшиеся без лозунга сверху начать борьбу. Готовилось для всех очевидное восстание, и волостные ячейки, предупреждавшие об этом и город и политотдел, не получали никакой помощи.

Задержавшись в Котласе только на один день, я двинулась в Яренск, захватив с собой только одного товарища — женщину в качестве секретаря. Чутье не обмануло меня. Я знала, что на месте найду достаточно помощников, которым нужно было только руководство и инструкции. Уже на берегу, по приезде на рассвете, я могла убедиться, насколько обострилось положение в уезде. На берегу собралась толпа мобилизованных. Среди них было много кулаков, унтеров старой войны, бывалых людей. И никогда после, как и до этого, я не видела такого разделения в массе классовых интересов. Мне пришлось довольно долго ждать лошади. Беседа вышла длительная, и, не будь этого разделения, мне пришлось бы плохо. Настроение кулаков было слишком определенное. Позже на позициях, в халупе, где помещался штаб отряда наших моряков, я встретилась с одним из них, который особенно яростно нападал на меня и все стремился склонить толпу к физическому на меня воздействию. Мне вспоминались его колючие, зеленые, ненавидящие глаза, когда в халупу вошел моряк. Встретившись со мной глазами, он исчез. Я предупредила командира и комиссара, что за ним нужно следить, тем более что к тому времени выстрелом в затылок было убито четверо любимых наших ротных командиров — коммунистов. По-видимому, и он участвовал в этом

деле. Комиссар немедля послал за ним наблюдение. Но он исчез. Охрана постов сообщила позже, что в одном месте он перешел линию, заявив нашим, что при отступлении оставил свою сумку. Его пропустили. Потом рассказывали, что он перешел к англичанам, которые находились от нас в полуверсте, в деревне Сельцы, в ту же ночь нами занятой. Бегство англичан было паническое, нам достались большие трофеи, интервенты спасались в нижнем белье, побросав свои вещи в реку. Нашего перебежчика они отказались взять с собой. Крестьяне рассказывали, что он долго плыл, цепляясь за пароход, а потом потеряли его из виду...[1]

---

[1] Документ на этом обрывается.